

ГЛАВА 5 1

МАМА

Эта глава будет другой. Я не хочу здесь давать советов и уроков, наставлять или менторствовать. Здесь будет моя человеческая сторона в противовес бизнесовой. Эту главу я посвящаю человеку, давшему мне все, но не взявшему ничего взамен, сыгравшему ключевую, самую главную роль в моей жизни — маме. Вряд ли даже самый богатый язык мира способен предложить мне такие слова и эпитеты, которые помогли бы с точностью, с нужным градусом тепла, с правильными нюансами и интонациями передать значимость мамы в моей жизни, поэтому я перескажу лишь несколько эпизодов с ее участием. Искренне верю, что они помогут читателю сложить яркий и отчетливый образ, хотя бы немного приближенный к действительности.

Моя мама — человек уникальной доброты и огромного сердца. Это мой нравственный маяк, мое крыло, моя поддержка в любом жизненном вопросе. Ее безусловная забота простиралась от первого дня моей и до последнего дня ее жизни, а ее наставления и законы работают в нашей семье до сих пор. Ее участие в становлении меня как личности, человека, семьянина колоссально. Она помогала мне во всех вопросах, с какими бы я ни обращался. Сделать выбор спутницы жизни мне помогала тоже мама.

После окончания института, набираясь опыта в «Экспресс-банке», я в своих глазах был еще достаточно юн и легкомысленен, чтобы заводить собственную семью, а по мнению родителей (что случается, в общем-то, в любой семье, где есть сын чуть старше 20-ти) — вполне зрелым для брака. Поэтому наши семейные уютные посиделки наряду с обсуждением пройденного дня нет-нет да и прерывал вопрос: «Мурад, а когда ты женишься уже?» Затем эта конструкция из вопросительной плавно перетекла в императивную с акцентом на слове «пора». Что ж, кандидаток вокруг меня было, и правда, немало: как перспективный банковский работник, спортсмен, отличник, да и просто открытый, интересный парень, я довольно часто ловил на себе заинтересованные дамские взгляды. Вероятно, в требования к подходящей партии я вписывался неплохо. У меня же было одно условие — моя будущая супруга должна быть покрытой.

С одной стороны, в тот момент у меня были нетерпеливые родители, считающие, что время поджидает (я, честно говоря, не вполне с этим соглашался, мой мир тогда не сужался до семейной точки). С другой стороны, мама боялась, что после женитьбы я полностью переключусь на супругу и дорогу в родительский дом забуду. Тогда я пообещал, что в моем доме главной хозяйкой всегда будет только она. Наверное, тогда это успокоило маму, и мы начали с помощью намаза истихара просить помощи Всевышнего в выборе

будущей супруги среди нескольких кандидаток. Выбор был бесспорно важный, и я хотел принять это решение в полной уверенности. Так и случилось.

В супруги мне досталась девушка мудрая и покладистая, она согласилась с тем, что роль хозяйки в доме будет принадлежать маме. И вот, когда отгремели свадебные речи первого дня и все благословения были получены, мы сели втроем — я, моя супруга и мама. Я спросил у мамы, помнит ли она, что я обещал ей расставить приоритеты.

— Моя супруга счастлива принять тебя за хозяйку. Твое мнение — главное для нас. Мы готовы слушать тебя и подчиняться. Мама смутилась и сразу встала на сторону моей жены — мол, ее мнение для меня не менее важно. И с тех пор тандем, который сложился у них в первый же день, становился только крепче.

Когда я давал супруге деньги на новый наряд, она покупала платье моей маме. Естественно, это было не с целью просто «пополнить гардероб», я уверен, что порыв шел из глубины души. За новым платьем может стоять намного больше глубоких эмоций, чем радость от кусочка текстиля. Моя супруга действительно желала моей маме счастья, она стремилась к тому, чтобы порадовать ее искренне, бескорыстно. Как маленькие дети, сами того не подозревая, вызывают в родительских глазах слезы умиления, так и моя жена своими чистыми помыслами могла растрогать маму. В их отношениях царили уважение друг к другу, взаимопонимание и поддержка. Иногда они могли «дружить» против меня в самом хорошем смысле, конечно. Когда какую-то просьбу жены я был не в силах по тем или иным причинам исполнить, она всегда обращалась к маме, и та своим авторитетом или материнской любовью помогала находить компромиссы. Мы без преувеличения жили душа в душу.

Так случилось, что в то время мама сдала анализ, и у нее обнаружили онкологию. Тогда, в свои 22 года, в самом начале этого адского пути, я источал оптимизм и пылал уверенностью — деньги найду, врача тоже. После того как маме сделали операцию, встал вопрос, кто будет за ней ухаживать, и моя супруга без промедления и с радостью взялась за эту работу. И, наверное, это стало наилучшим решением. В руках моей заботливой жены, а не сиделки, маме было бы лучше, в этом я был убежден. Мы перевезли ее домой; в родных стенах, под чутким присмотром своей второй дочери, все располагало к тому, чтобы пойти на поправку.

Нам показалось, что можно выдохнуть. Первый стресс ушел, оставив только горький привкус страха. Мама, казалось, тоже ободрилась, хотя иногда я замечал ее в удрученном состоянии. Жгучие языки химиотерапии продолжали терзать тело и душу мамы, иной раз вытягивая все силы и жизнелюбие. В такие моменты я особенно остро чувствовал необходимость ее приободрить. И тогда

я сказал ей, что в следующем году она поедет в хадж. Я постарался придать этой идее максимально красочную перспективу, чтобы вдохновить, зарядить маму, чтобы она заболела только одним — собственным выздоровлением. Я убедил маму — для хаджа нужна очень хорошая физическая подготовка, поэтому нужно собраться, саккумулировать свои силы и восстановиться. Прогулки, здоровое питание, свежий воздух, хорошее настроение — вот та микстура, которую я сам ей прописал.

И это сработало. Идея, от которой горели глаза, заставляла каждый день одерживать маленькую победу над своей слабостью и желанием впасть в апатию, над болью и страхами. Каждый день, как опытный скалолаз, она вытаскивала себя из узкого, холодного ущелья, чтобы добраться до заветной вершины. За семь месяцев она привела себя в хорошую форму, легко выдержала непростой хадж и вернулась вдохновленная.

Я же тогда погрузился в ежедневную рутину, пропадал на работе с восхода солнца до глубокого вечера. К моему огромному сожалению, я не придавал болезни серьезного значения, не углубился в понимание процессов, происходивших в организме. Я занимался своими проблемами, спрашивал, чем могу помочь у мамы и супруги, но они отвечали, что все хорошо и ничего не нужно. Жизнь, казалось, из внезапного паводка снова обретала понятные контуры. Но я ошибался. Прояснение пришло постепенно. Со временем легкий внутренний холодок, на который я не обратил внимания сначала, окреп, и ледяными кровью мыслями стал захватывать меня все чаще. Я понимал, что болезнь ох какая непростая и сама по себе без изматывающей борьбы не отступит.

Спустя время болезнь все-таки сделала шаг назад, процедуры показали эффективность, и мы о ней почти забыли. И это снова усыпило мою бдительность.

Мама для меня — это заглавный член моей семьи. Я люблю своих родителей одинаково, но у них действительно очень разные роли. Человека, такого, как я есть сейчас, по штрихам и оттенкам вырисовывала именно мама. Она научила меня молиться в 9, в 15 объясняла, почему нужно идти до конца, в 20 давала мудрые советы, как выстраивать отношения с супругой. Ее поддержка была безграничной, любовь — безусловной, а ее понимание меня на всех этапах моего становления было всеобъемлющим и безошибочным. Я с самого раннего детства знал, что такое поддержка, что такое доверять, полагаться, быть под защитой. И все это — от мамы.

И вот, когда мы старались забыть о болезни, вышвырнуть ее из нашего семейного пространства, страшная онкология ворвалась с новой силой, безжалостно нарушая идиллическое семейное счастье.

У мамы начался кашель, а я из-за плотного графика не мог каждую минуту проводить с ней, но ежедневные традиционные встречи остались. Я утром звонил ей, спрашивал, как настроение, как спала, какие планы на этот день, а вечером обязательно приходил с фруктами и сладким, мы болтали на отвлеченные темы, делились новостями или вместе смотрели кино. Эти два-три часа были только нашим с ней временем. По габаритам я, конечно, крупнее своей миниатюрной мамы, но в те моменты я нередко ощущал, как укутываюсь под ее мягким крылом в чистое материнское тепло. Даже если я рассказывал про дела на работе, про коварство бизнеспартнеров или конкурентные баталии, она внимательно слушала меня с полуулыбкой на лице и в какой-то миг мне казалось, что я всего лишь птенец-фантазер, выглядывающий из семейного гнезда наружу, в большой мир, но в поле зрения попадают только три ближайших дерева, поэтому все остальное приходится додумывать. Мы говорили обо всем. Я мог как подросток признаваться ей в своих слабостях, как уставший странник просил указать мне правильную дорогу, как зрелый собеседник высказывал свою позицию относительно чего-то. Любая тема была ей подвластна, даже самые сложные фабулы она делала понятными. И мне хотелось говорить и слушать. Это время, время наших разговоров или нашего молчания, было драгоценным для меня. Посидеть рядом, заглянуть в глаза, взять за руку — мы не ценим этих простых, но таких важных моментов. Это был уникальный в своем роде опыт. Подобного чувства я ни к кому из своих домочадцев не испытываю.

Первые 6 лет супружеской жизни я снимал жилье по соседству с родителями, и это тоже было испытание для нас, которому, впрочем, по силе ужаса до главной беды далеко. В том районе, где жила мама, все дома были старой советской постройки и напоминали семейные общежития. Те, кто познал, что такое старые коммуникации или сырой дом, меня поймут очень хорошо и без красноречивых выражений. В одной квартире нас сопровождали подвальная сырость и зловония, в другой мы постоянно просыпались от того, что сверху на нас что-то капало. Но любые бытовые неурядицы сглаживала лишь одна мысль — я был рядом с мамой. Утром уходил на работу, а жена шла к ней и заботилась о ней до моего прихода. Так прошло несколько лет.

Коварный рак по клеточке продолжал уничтожать самого близкого мне человека. При очередной сдаче анализов в легких обнаружили метастазы. Квоты, очереди, ожидание, бесконечный поиск и изучение информации по этому вопросу, мониторинг специалистов и подтвержденных достижений — все клином вошло в нашу жизнь. Это был безрадостный замкнутый контур, внутри которого существовала моя семья. На тот момент нашим лечащим врачом был Ахмед Халилович, врач от Бога, человек, который всего себя посвящает именно лечению, а не приумножению благосостояния. Он беспрекословно служит своей профессии и оказывает невероятную поддержку. В дальнейшем мне пришлось столкнуться с равнодушием и безучастностью, с талантливыми докторами и теми, кто просто ходят на

работу. И Ахмед Халилович — один из сильнейших профессионалов в своей области.

Он нас предупредил, чтобы мы готовились, предстоит сложный, выматывающий бой. Ахмед Халилович рекомендовал нам поехать в Москву, к доктору Тарабрину Евгению Александровичу, убедив нас, что это профессионал с большой буквы без малейшего преувеличения. Но попасть туда в ближайшие пару лет не представлялось невозможным просто потому, что в клиниках такого уровня все расписано надолго вперед. А получить внеочередную помощь без предварительной заявки было вообще на грани вымысла.

Ахмед Халилович предупредил — мне нужно проявить настоящие чудеса коммуникации, чтобы добраться до кабинета Тарабрина, да и там предстоит неравный бой: загруженный на 25 часов в сутки врач просто физически не может расширяться настолько, чтобы оказать помощь всем пациентам. Моя задача заключалась в том, чтобы убедить доктора Тарабрина в необходимости его помощи.

До того, как я обратился в Институт Склифосовского, я глубоко погрузился в тему развития онкологии: изучил много информации, перемалывал статьи, изучал результаты исследований самого разного масштаба. Среди этого вороха информации мне неоднократно встречалась мысль, что в некоторых случаях специальная комиссия рассматривает вопрос донорства — проще говоря, при благоприятных обстоятельствах возможна пересадка легкого от члена семьи больному.

Тем временем мы с мамой отправились в Москву. Мы непринужденно болтали, совсем как раньше, когда беззаботная жизнь подкидывала простые задачи и мы с удовольствием их решали, а потом оживленно обсуждали. Это удивительная способность мамы делать наше общение легким, радужным, воздушным! Попадая в ее ауру, я был готов делиться самыми большими секретами и высказываться на щекотливые темы без неловкости.

Материнская любовь — явление необыкновенное и ни с чем не сравнимое. И никто, кроме матери, таких глубоких чувств и тепла не дарит.

Итак, мы поехали в Москву. Что я должен был сказать маме? Да, мы едем в столицу, потому что у нее сложная форма пневмонии и нужен хороший врач. Да, это ненадолго, и я буду рядом. И да, специалиста и клинику мы уже нашли. Но я не сказал ей про метастазы и про свое решение стать донором. Читать это намного легче, чем в действительности принимать такое решение. Помню, прежде чем прийти к нему, еще до поездки в Москву, я размышлял всю ночь: готов ли я отдать свое легкое? Готов ли принять все позитивные и негативные последствия? Готов ли на время лишиться нормальной дееспособности? Эти и

еще сотню вопросов я задавал себе, перекачивал их в голове, отталкивал, поднимал обратно, не знал, что ответить, соглашался безоговорочно и ставил под сомнение. Я был уверен в том, что готов помочь маме.

Но сомневался, хватит ли мне мужества. Однако к утру решение было принято на 100%. Нас приняли не сразу. Мне пришлось прождать врача весь день: встречи, операции, повседневная больнично-человеческая суeta съели уйму времени. Но я был готов ждать и еще дольше, чтобы иметь возможность убедить его помочь нам. Как только представилась возможность, я вошел в кабинет и уверенно захватил инициативу разговора:

— Евгений Александрович, возвращаться назад я не намерен, мне нужно уложить мою мать именно сюда и именно сегодня. Пожалуйста, войдите в мое положение, это просто необходимо. У меня мать в сложной медицинской ситуации, есть деньги, нужные документы, и я готов раздобыть все, что нужно, лишь бы вы пошли нам навстречу. Обратно меня нет смысла отправлять, я готов, если в том будет необходимость, стать донором.

За время болезни мамы, находясь под постоянным собственным психологическим прессингом, я привык бороться, настаивать, упорствовать, хотя не везде это было нужно. И в кабинете Тарабрина мой ультиматум смотрелся на самом деле странно, никакого морального права у меня на это не было. Однако мое заявление возымело эффект. Вопреки всей серьезности ситуации врач заулыбался. Как он потом объяснил, ему приятно было услышать мои слова, в его практике не каждый член семьи больного выдавал такие манифесты. Но необходимости в донорстве в тот момент не было. Врач дал мне договоры, которые я быстро подписал, и вечером того же дня мама уже находилась в палате. Хотя, честно признаться, до этого я не был уверен в благоприятном результате нашего визита. Огромная московская клиника, бесконечная очередь, квоты и еще много чего — аргументы против были серьезными. Но с помощью Всевышнего у меня получилось.

Каждое утро я приходил в больницу. Несмотря на то, что на душе скребли кошки и в окружении женщин, борющихся с этой хворью на разных стадиях, я чувствовал себя как на эшафоте, я хотел вдохнуть жизнь в ограниченное стенами, видевшими немало горя, пространство. Я почти весь день проводил рядом с мамой, разговаривая с ней, развлекая ее и тех, кто тоже оказался в заложниках у хищной болезни, время от времени дарил им небольшие подарки и всячески старался поднять настроение.

Мы с мамой прогуливались по территории больницы, обедали в столовой, говорили на разные темы, а потом поднимались обратно. Нам двоим хватало мужества в чужом городе, в казенном учреждении, в самых страшных обстоятельствах вести себя ровно так, как мы вели себя в домашней обстановке — непринужденно, тепло, легко. Я очень благодарен ей за это —

уверен, что ее, как и меня, внутри пожирал чудовищный страх, но она оберегала меня от него, даря улыбки и свою любовь.

В таком режиме прошло около двух месяцев. Наши беседы прерывались процедурами, а прогулки по больничному скверику перемежались со сдачей всевозможных анализов. Затем у мамы взяли пункцию — кусочек легкого, чтобы проверить на наличие раковых клеток. Перед тем, как анализы были готовы, я всю ночь молился, чтобы их там не оказалось. И наутро выяснилось, что анализы отрицательные. Мое воодушевление взметнулось до потолка и еще выше, и я почти бегом отправился к лечащему врачу, чтобы разделить с ним свою радость. Но, увы, как опытный онколог с изрядной долей здравомыслия, он сказал, что тоже был бы рад поверить в это, но есть признаки, которые указывают на обратное. Врач предложил мне отвезти анализы еще в несколько клиник.

Больно ударившись о разочарование, но не потеряв надежды, я начал свое хождение по клиникам с пластиковым контейнером в руках, где находилась часть легкого. Чем крепче я сжимал эту безжизненную емкость, тем сильнее были мои молитвы к Всевышнему. Человеку немислимо трудно, больно, практически невозможно расстаться с надеждой, если он однажды ее обрел. Мои чувства были такими. В одной, второй клинике результаты были отрицательными. Внутренняя дрожь никак не могла прибиться ни к одному берегу — то ли поверить и ликовать, то ли сосредоточиться и замолчать, чтобы не потерять это зыбкое счастье и уверенность. Мне до боли, до безумия хотелось верить только в то, что все закончилось и анализы правдивы.

А потом мне снова пришлось заглянуть в самую глубину черных глаз разочарования. Позже выяснилось, что пункцию брали из здоровой части легкого, поэтому раковых клеток не было обнаружено. Но потом мы отдали на анализ жидкость из легкого, и тогда все подтвердилось. Снова. В состоянии иступления и безысходности, когда сдаваться еще нельзя, но морально ты уже почти сломлен, я напросился на прием в Кремлевскую клинику к еще одному врачу, доступному в очень узких кругах, который лечил самых высокопоставленных чиновников России. Это был тщедушный, не побоюсь этого слова, старичок, сутулый, лысоватый, десятки тысяч дней проведенный за операционным столом. Ввалившиеся глаза блеклого сероватодымчатого цвета внимательно посмотрели на меня, когда я вошел к нему в кабинет и объяснил ситуацию — мне по-прежнему было важно, чтобы про метастазы и состояние легких моя мама не знала. Тихим твердым голосом врач сказал: «Заводите». После того, как мама вошла, он осмотрел ее, правда, полноценным осмотром я не могу это назвать — он совершил минимальный набор действий. Врач просто постучал ей пальцами по спине три раза, послушал, сказал, что все нормально, и отправил маму в коридор.

Меня он попросил задержаться — Мурад, — обратился ко мне врач, — моя мать умерла от этого же. Я в свое время, будучи молодым онкологом, думал, что сейчас ее вылечу. А вместо этого замучил ее, просто сжег ее этой химиотерапией. Если не хочешь повторить мой путь — забирай ее, увози домой, подари ей столько заботы, сколько ей потребуется. Пусть она наслаждается жизнью, общением с семьей, внуками, пусть полноценно проживет те дни, которые у нее есть. Я продолжал цепляться за зыбкие надежды. Возможно, мне стоит поехать в Китай? Может, там нашли способ укротить онкологию? Я готов поехать туда, если нужно, к тому же многие рекомендовали мне именно эту страну. Врач рассказал, что был недавно в Китае и, когда смотрел лекарства, используемые в лечении, то по содержанию, написанному на латинском, понимал — это те же самые препараты, что и в России, но в другой упаковке и с другим названием. Каждое мое предложение попробовать что-то еще стояло на тонкой хрупкой опоре и от первого же аргумента врача превращалось в труху иллюзий. Единственным плюсом в сложившейся ситуации, если такое слово вообще здесь уместно, было то, что метастазы не пошли в кости, а поразили только легкие. На обычном языке это означало, что можно обойтись без сильных наркотиков, снимающих адские нечеловеческие боли. Дальнейший период я не могу назвать совсем безрадостным, нет. У нас были и душевные разговоры, и шутки, и теплые воспоминания, и в принципе почти всегда хорошее настроение. Но в каждом дне присутствовало нечто, отравлявшее его, по мизерной капле, по мгновению, но постоянно, безостановочно и беспощадно воровавшее наши жизни. Каждое утро было омрачено (хотя, конечно, ни один из нас этого не показывал) одним-единственным вопросом: «Как твой кашель?» Мама, мягко улыбаясь только ей свойственной полуулыбкой, отвечала, что все прекрасно. Я же понимал, точнее лишь догадывался, что кашель был изнуряющим и мучительным.

Будние дни проходили по обычному графику: утром и вечером я обязательно заходил, делился тем, как прошел мой день. А каждые выходные мы старались выезжать к тетям — в Махачкале живут две родные мамины сестры, и мы с завидной регулярностью навещали их. Это были такие непринужденные, радостные маленькие события: часик у одной, часик у другой, чай попили, посмеялись, что-то вспомнили, над кем-то пошутили — все мажорно и легко. Музыкальный женский смех и звонкие голоса ласкали мой слух, заставляя из мрачных ожиданий проваливаться в беззаботное забытие. Но это происходило ненадолго.

Из маленького, неясного страха моя фобия, что однажды рак доберется до костей и тогда придется ставить наркотики, превратилась в огромное ужасное чудовище, сжиравшее мое мужество и рассудок. Чтобы хоть как-то подготовиться к такому повороту, я договорился с медсестрами, которые под видом капельницы с витаминами могли бы облегчить кошмарные страдания. Когда традиционная медицина сдалась, я ушел в дебри недоказательной —

травы, сборы, БАДы, пробовал многое, констатируя лишь постепенное ухудшение.

Тот самый страшный звонок состоялся спустя несколько месяцев, мама попросила приехать как можно скорее. Примчавшись, я увидел, что у нее сильнейшая одышка. Я подхватил ее на руки, слетел по лестнице с четвертого этажа, усадил маму в машину и, от отчаяния утопив педаль газа, рванул в больницу. Приехав, посадил ее в коляску и зашел в приемное отделение. Наше появление не то что бы вызвало у окружающих какие-то особенные эмоции — думаю, в бесконечном потоке обращений эмоции и чувства медицинского персонала атрофируются не меньше, чем у врачей, — но желания нам помочь я не обнаружил совсем.

Одна из медсестер так и выразилась, причем в присутствии мамы, оценив ее состояние на глаз: «Мы таких не берем». Мой первый порыв кричать и требовать помощи лишь ухудшил бы состояние матери, я испугался, что она еще больше

разволнуется и будет переживать за меня. Так что этот ком, застрявший в горле, я проглотил. Тихим, спустившимся почти до шепота голосом я сказал «секундочку», проводил маму на крыльцо, сказав, что через несколько минут приду за ней, так как нужно переговорить с врачами. Затем я вернулся и, спокойно, отдавая себе отчет в каждом слове, предупредил весь присутствующий персонал (на минуту включив внутреннего дагестанца), что не задумываясь переверну здесь все вверх дном, если нам не окажут помощь или будут ссылаться на отсутствие каких-то бумаг. Врач засуетилась, стала куда-то звонить, кудато ходить, но время шло, а я по-прежнему находился в холле, мама — на крыльце, и никто в палату нас провожать будто и не собирался.

Я не стал ждать дольше, позвонил Ахмеду Халиловичу и попросил его протекции. Он сказал, что нас примут, но бумаг он мне никаких не даст. Я согласился и передал трубку врачам приемного отделения. Тем же днем маму положили. Хочу подчеркнуть, что за все время нашего взаимодействия Ахмед Халилович не взял с меня ни одного рубля и отказывался от всех подарков. Его помощь и поддержка были бескорыстными, они исходили от чистого сердца, я уверен в этом.

Когда оформление завершилось, я вышел из палаты в коридор. Мне сложно подобрать слова, чтобы описать атмосферу, которая тогда там царил: будто клубами плотного дыма коридор наполнялся протяжными стонами, вздохами, хрипами, периодически их разрезали острые резкие крики. Боль кругом, безысходность. Я понимал, что, наверное, моя мама не в самом плохом состоянии по сравнению с другими.

Ту ночь до прихода врача я тоже провел в палате. А утром пришел Ахмед Халилович, посмотрел на шейную вену и сказал маме, что все очень неплохо, затем он вывел меня из палаты под предлогом дать поручение, которое облегчит ее состояние.

Мама воодушевилась, а меня пронзил холодок душераздирающих предчувствий. — Мурад, ей остались одни сутки. Хочешь — оставь здесь, хочешь — вези домой.

Вот так, не давая ни малейшей возможности воспротивиться этой мысли, ни малейшего шанса побороться с этим горьким фактом, нам, родным онкологических больных, сообщают такие вести. К подобному невозможно подготовиться. С этого момента ты начинаешь ощущать постоянную нехватку воздуха, грудь остается будто зажатой между бетонными плитами, и ты корчишься от гипоксии еще очень долгое время.

Единственным доступным решением было забрать маму домой. Врач почти сразу прошел в палату и устно выдал маме нечто вроде недельной инструкции, сказав, что он поручил мне купить капельницу, которую нужно будет проставить 7 дней, затем снова надо будет сдать анализы, потом прийти на прием, то есть он постарался создать ей какую-то занятость, зарядить ее силами и надеждой, чтобы вырвать у беспросветной болезни еще несколько дней и чтобы отъезд домой не сопровождался тяжелыми мыслями и отчаянием.

Затем в палату вернулся я и сказал, что куплю нужное лекарство, мы еще раз попробуем, и все будет хорошо. Я убедил маму, что проведу все процедуры, которые велел делать Ахмед Халилович. Я на руках донес ее до машины, привез домой, поднял на четвертый этаж. К тому времени предупредил родственников, и они собрались в нашем доме, я знал — она хочет увидеть некоторых. Мама понимала, что уходит. Она уточняла у меня, собираюсь ли я пойти за лекарством, а когда узнавала, что собираюсь, беспокойно спрашивала, кто же останется рядом с ней. В доме было полно людей, но она не хотела отпускать меня далеко и надолго. И так трижды.

Когда пришло время, мама произнесла молитву и через час покинула этот мир. Спокойно, легко, без мучений. И это было единственное мизерное обезболивающее для меня, которое могло чуть-чуть притупить страдания от ужасной невосполнимой потери. Если перед своим уходом человек успевает прочитать эту молитву, считается, что он попадет в рай.

Последними словами мамы были именно те, которые должна была произнести мусульманка. Она сказала, где и как ее похоронить, попросила скромный памятник из самого дешевого камня и даже попыталась через сестру передать мне деньги (скрывала от меня, что собирала на похороны). Впоследствии я

отдал их на благое дело — на ремонт дорог. Сейчас, когда мне особенно тоскливо и плохо, я навещаю мамину могилу, беседую с ней, чем-то делюсь, и это ненадолго помогает. Время лечит — так говорят те, кто не пережил боль утраты матери. Все остальные знают, что сколько бы лет ни прошло, сердце и душа будут кровоточить, слезы будут всегда наворачиваться на глаза, а нехватка материнских рук, взгляда, голоса, тепла станет с годами только острее.

Часто люди после ухода родителей начинают жалеть о том, что многого недодали им при жизни: мало дарили, мало любили, мало уделяли внимания, мало ценили. Я успокаиваю себя тем, что свою сыновью роль исполнил так, как следует. Я часто обращался к ней как волшебник из волшебной лампы: — Скажи, что тебе нужно, дай мне поручение, озадачь меня чем-нибудь, мама! Приставал, надоедал, предлагал купить новое платье или что-то еще, но будучи женщиной скромной и непритязательной, она редко принимала подарки, скорее, чтобы меня не обидеть. У меня нет причин жалеть, что мы общались мало — напротив, мы были близки и проводили вместе много времени. И оттого, что я пытался при жизни ей помочь, удовлетворить все желания и устранить дискомфорт, мне становится чуть легче. Я искренне старался сделать для нее все, что было в моих силах, и надеюсь, этот мир она покинула будучи довольной мной как сыном.

ПРАВИЛО 51.

Говорят, человек приходит в этот мир один и уходит тоже один. Но в большом промежутке между этими мгновениями, который называется жизнь, друг у друга есть мы — родные и близкие. Все мы когда-то друг друга потеряем, но в наших силах наслаждаться каждым мгновением, проведенным с нашими любимыми. Болезнь близкого может быть невыносимой, мучительной, непоправимой. Но ей неподвластна наша любовь. Каждый из нас может наполнить бытие близкого, страдающего от болезни, другими смыслами: радостью, приятными мгновениями, спокойствием, удовольствием, даже энтузиазмом. Помни, даже 10 минут, проведенные рядом с тем, кто в тебе нуждается больше всего, стоят многомиллионной сделки или поездки в лучший отпуск. Всегда делай все, что в твоих силах, и будь рядом до конца.